
Дениз
Второй таим
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Дениз Дениз
Второй тайм

https://litres.ru/74799632
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад ложь разлучила их навсегда. Сегодня один взгляд через зал доказывает: они так и не отпустили друг друга.

Она поклялась больше никогда ему не верить. Он поклялся больше никогда её не терять.

Первый тайм они проиграли оба. Второй начинается прямо сейчас — и на этот раз никто не намерен уступать без боя.

Содержание

Глава первая. Кира. Не тот вид красоты 4
Глава вторая. Кайл. Выскочка 45
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Дениз
Второй тайм

Глава первая. Кира. Не тот вид красоты

У меня есть одно правило для таких вечеров.

Никогда не показывай, что нервничаешь.

И никогда — ни при каких обстоятельствах — не показывай, что помнишь.

Сегодня я собираюсь нарушить оба разом.

Но давайте по порядку.

Шесть часов назад я стояла на коленях за барной стойкой в платье за пять тысяч долларов, зажав зубами кусок скотча, как контрабандист, застигнутый на границе.

Да.

Именно так выглядит моя жизнь, когда всё идёт строго по плану.

— Где отвёртка? — спросила я, не поднимая головы.

— Ищу.

— Алекс.

— Ищу!

— Мы находимся в здании, реконструкция которого сто-

ила сорок миллионов долларов.

— Я в курсе.

— Прекрасно. Тогда объясни мне, почему единственный человек с отвёрткой в радиусе видимости, судя по всему, существует только в теории.

В наушнике повисла тишина — красноречивая, как отказ подсудимого от последнего слова.

Вот за что я люблю работу с людьми.

За их удивительное умение отвечать на самые важные вопросы жизни глухим молчанием.

Я отлепила скотч зубами, закрепила провод и поднялась с колен. Платье, скорее всего, будет носить это утро до конца своих дней. Зато гирлянда больше не мигала.

Компромиссы. Из них, собственно, и состоит взрослая жизнь — размен одного маленького разрушения на другое, чуть менее заметное.

— Кира, арка на входе снова мигает, — голос Алекса в наушнике звучал так, будто он докладывал о захвате заложников, а не о неисправной гирлянде.

— Дыши.

— Я дышу.

— Тогда дыши убедительнее. Найди техника, пусть проверит блок питания.

— А если техника нет?

Я посмотрела на часы. До начала оставалось сорок две минуты — ровно столько, сколько нужно, чтобы вечер либо со-

стоялся, либо превратился в анекдот, который будут пересказывать в кулуарах индустрии ближайший год.

— Тогда найди того, кто ему платит зарплату.

— И?

— И сделай это его проблемой.

Я отключила связь. Не из грубости — просто если позволить людям задавать вопросы после восьми вечера, они слишком быстро вспоминают, что ты тоже человек. А сегодня мне это было категорически ни к чему.

Voss Creative — агентство вполне приличное. Не то чтобы мы каждую неделю красовались на обложках деловых журналов и оформляли инаугурации, но и дни рождения двоюродных братьев в банкетных залах с золотыми стульями мы тоже не брали. Мы работали с большими клиентами. С очень большими. И с людьми, для которых слово «срочно» автоматически означало «нужно было ещё вчера».

За четыре года здесь я усвоила одну простую истину: идеального мероприятия не существует в принципе. Цветы приходят не того оттенка. Проектор красиво умирает за пять минут до презентации. Кто-то теряет бейдж, кто-то — обручальное кольцо. А иногда, как сегодня, человек с сорокамиллионным бюджетом на реновацию не может найти в здании простую отвёртку.

Так что я давно перестала ждать идеальности.

Я просто научилась делать так, чтобы хаос выглядел дорого.

И, надо признать, получалось у меня неплохо.

К тому моменту, когда двери распахнулись для первых гостей, зал выглядел ровно так, как я и задумывала с самого начала. Клубные цвета вплетены в цветочные композиции настолько деликатно, что цветы не читались рекламной конструкцией. На огромном экране бесшумно листалась хроника десяти победных сезонов. Свет падал так, как должен падать свет — незаметно, но безупречно. Даже бар выглядел так, будто никто не ползал за ним на коленях сорок минут назад.

К половине восьмого свободного места у входа почти не осталось.

Я узнавала лица по фотографиям, которые неделю назад изучала в брифе, профессиональная привычка, без которой в этом деле делать нечего. Председатель совета директоров, мистер Хэррингтон, стоял у главной сцены в окружении людей, каждый из которых явно репетировал про себя, как небрежно упомянет этот вечер на понедельничной планёрке. Рядом представители титульного спонсора, той самой страховой компании, чей логотип я лично вписывала в цветовую палитру три недели подряд, потому что их брендбук писал человек, искренне ненавидевший дизайнеров.

Финансовый директор клуба стоял у окна, без остановки крутя обручальное кольцо на пальце, будто оно было ему что-то должно. Второй тренер — недавно разведённый, если

верить слухам, — прогуливался по залу с видом человека, вышедшего на свободу после долгого заключения, и уже минут пятнадцать что-то оживлённо втолковывал незнакомой женщине у бара.

В 19.45 тихо и продуманно зазвучали фанфары — ровно настолько громко, чтобы разговоры стихли сами собой, без унизительной необходимости просить тишины.

Мистер Хэррингтон поднялся на сцену.

Речь оказалась ровно такой, какую я себе и представляла, согласовывая тайминг: пять минут благодарностей, три минуты пафоса про «традиции клуба» и «сердце города», минута про новый сезон, минута аплодисментов.

— Этот год, — говорил он, — станет годом, когда мы докажем всем: величие клуба измеряется не только кубками на полке, но и людьми, готовыми отдавать себя игре без остатка.

Кто-то рядом коротко присвистнул — я не обернулась узнать, кто именно.

Я слушала вполуха, одновременно проверяя взглядом свет над сценой — не бьёт ли он слишком ярко в объективы прессы у левого края — и думала о том, что подобные речи всегда звучат одинаково, вне зависимости от того, кто их произносит и для какого клуба. Замени пару существительных — и можно транслировать её на открытии хоккейного сезона, юбилее банка или презентации нового квартала жилого комплекса.

Аплодисменты. Ровно по расписанию.

Вот это, пожалуй, и есть настоящее искусство — сделать так, чтобы никто не догадался, сколько раз за вечер ты была на волосок от нервного срыва.

Я поправила планшет под мышкой и ещё раз оглядела зал.

Девяносто процентов.

Идеально.

Оставшиеся десять — как раз то, ради чего я никогда не умела просто остановиться.

— Ты выглядишь опасно, — раздался голос за плечом.

Я обернулась. Зои стояла рядом, поправляя гарнитуру с видом генерала перед решающим сражением.

— Спасибо.

— Это не был комплимент.

— Тогда тем более спасибо.

Она окинула меня оценивающим взглядом. Изумрудный шёлк. Сдержанный крой. Каблуки, которые к одиннадцати вечера наверняка заставят меня пересмотреть все жизненные решения разом.

— Пять тысяч долларов?

— Не начинай.

— Я просто хочу заметить, что за эти деньги можно было купить машину.

— Ты бы купила три и всё равно явилась на мероприятие в кроссовках.

— Потому что я умею расставлять приоритеты.

— А я умею внушать людям, что у меня всё под контро-

лем.

Зои усмехнулась.

— А разве нет?

Я посмотрела на мигающую у входа арку. Арка предательски мигнула ещё раз.

— Разумеется.

Она рассмеялась и упорхнула проверять фуршет, оставив меня одну на несколько секунд — ровно достаточно, чтобы сделать один по-настоящему глубокий вдох.

Я не любила подобные вечера. Гости всегда были самой скучной частью работы. Мужчины в костюмах дороже моей квартплаты бродили по залу, обсуждая с крайней серьёзностью вещи, которые вполне решались одним телефонным звонком. Женщины улыбались друг другу с такой безупречной симметрией, что временами хотелось проверить, не приклеены ли эти улыбки к лицам заранее. Все были красивы. Успешны. Довольны собой.

И совершенно, до зевоты, одинаковы.

Я давно перестала задаваться вопросом, насколько всё это настоящее. В конце концов, моя собственная работа заключалась ровно в том же: создать картинку, заставить её впечатлять — и уйти прежде, чем кто-то заметит, где заканчивается декорация и начинается правда.

Я в последний раз сверила рассадку. Экран. Бар. Свет.

Всё было идеально.

И именно поэтому я позволила себе на секунду рассла-

биться.

Роковая ошибка.

Потому что именно в эту секунду я услышала смех.

Не голос — именно смех. Низкий. Короткий. Настолько узнаваемый, что мне хватило одной секунды, чтобы понять, чей он.

И ещё одной — чтобы об этом пожалеть.

Нет, подумала я. Не может быть.

Я медленно подняла голову.

Он стоял у бара. Вокруг — трое мужчин, но рядом с ним они выглядели массовкой в чужом фильме.

Кайл Эштон.

Десять лет.

Десять лет я не слышала этот смех — и теперь он звучал так, будто мы расстались вчера, а не пропали друг для друга на целую жизнь.

Он изменился. Ещё как изменился. Плечи стали шире, движения — спокойнее, увереннее, будто он наконец перестал доказывать миру, что заслуживает своего места в нём. Тёмный костюм сидел безупречно, подчёркивая ту самую спортивную выправку, которую невозможно купить вместе с одеждой ни за какие деньги. Волосы — тёмные, чуть длиннее сверху, с той самой продуманной небрежностью, ради которой другие мужчины часами сидят в кресле стилиста, — казались растрёпанными ровно настолько, чтобы хотелось запустить в них пальцы и лично всё испортить.

Челюсть заострилась, стала жёстче, чем я помнила, — та самая линия, вдоль которой хотелось бы провести кончиками пальцев просто для того, чтобы проверить, действительно ли она такая твёрдая, какой выглядит. Губы изогнулись в той самой полуулыбке, от которой у меня в семнадцать подкашивались колени, а сейчас, судя по всему, подкашивалось что-то на уровне гораздо ниже здравого смысла.

Шея — сильная, загорелая, с проступающей веной, когда он повернул голову, — исчезала под воротником рубашки так, что хотелось расстегнуть верхнюю пуговицу просто из принципа. Руки — большие, с чётко очерченными костяшками и длинными пальцами, обхватившими бокал так уверенно, будто он обхватывал им что угодно с одинаковой лёгкостью, — держали виски с тем спокойствием, которое совершенно не вязалось с тем, что творилось у меня внутри при одном взгляде на них.

И взгляд.

Вот взгляд я узнала мгновенно. Серый, почти стальной в неровном свете зала — тот самый оттенок, который журналисты в интервью зачем-то называли «холодным», хотя я-то знала: ничего холодного в этом взгляде не было, когда он смотрел так, будто видел немного больше, чем ему успевали показать.

Раньше это меня раздражало.

Сейчас — тоже.

Прекрасно. Значит, хоть что-то в этом мире осталось на

своих местах.

Я стиснула пальцы на краю планшета. Не надо. Просто не надо.

Я взрослая женщина. У меня отличная работа, нормальная жизнь и абсолютно никаких причин помнить, как выглядит этот человек, когда смеётся.

Десять лет я о нём не думала.

Ну…

Почти.

Кайл повернул голову.

И увидел меня.

Вот теперь всё стало по-настоящему плохо.

Я была готова к тому, что он изменится. Что будет выглядеть иначе. Что я сама не почувствую совершенно ничего.

Я не была готова к тому, что он узнает меня мгновенно.

Его взгляд остановился на мне — и всё вокруг будто слегка притихло. Музыка продолжала играть, кто-то смеялся, официант прошёл мимо с подносом шампанского, а я стояла посреди зала, глядя на человека, которого добросовестно убеждала себя забыть десять долгих лет.

Он слегка наклонил голову. Тот самый жест.

Чёрт.

Я помнила. Конечно, я помнила. Память — на редкость подлая штука: она с готовностью стирает пароль от старой почты, но безошибочно хранит именно то, что ты отчаянно

пытаешься выбросить из головы.

Я могла отвернуться. Должна была. Изобразить, что не заметила, — я вообще-то профессионал в изображении того, что не замечаю проблем. Сегодня я уже трижды спасала этот вечер именно так.

Но Кайл смотрел прямо на меня.

И я не отвернулась.

Мы молчали через весь зал. Секунду. Две. Три. На четвёртой он перестал улыбаться — совсем чуть-чуть, но я заметила. Я вообще замечала всё, что касалось его — привычка, за которую собственный мозг стоило бы засудить.

Он бросил что-то мужчинам рядом. Те засмеялись. Он их уже не слушал.

Он пошёл ко мне.

Нет, поправила я себя мысленно. Он действительно пошёл ко мне.

Я на всякий случай оглянулась — вдруг за спиной стоял кто-то более достойный его внимания. Никого.

Отлично. Значит, всё-таки я.

Шесть шагов было между нами. Ровно шесть — я люблю цифры, они честнее людей.

Пять — я вспомнила, как он однажды сказал, что я слишком много думаю.

Четыре — он тогда ошибался. Я думала недостаточно.

Три — потому что если бы подумала чуть больше, возможно, не уехала бы.

Два — но я уехала.

Один.

Кайл остановился напротив. Слишком близко для человека, которого не видела десять лет.

Он смотрел на меня несколько секунд, и я вдруг поняла: весь этот вечер, весь этот тщательно срежиссированный хаос — я ждала именно этого момента. Не разговора. Не объяснений. Не его версии прошлого.

Просто того, чтобы он подошёл.

— Кира.

Чёрт. Одно слово — а внутри меня что-то тревожно щёлкнуло, будто он не произнёс имя, а открыл дверь, которую я десять лет держала на замке.

Очень невежливо с его стороны.

— Кайл, — ответила я тем же тоном, каким приветствуют человека, задолжавшего крупную сумму денег.

Он едва заметно улыбнулся.

— Рад, что ты меня помнишь.

— Не льсти себе. Я помню даже пароли от старых почтовых ящиков.

— И мой номер телефона?

— Нет.

— Жаль.

— Не переживай. Если понадобится, найду в интернете.

Уголок его губ дрогнул. Вот что раздражало меня в Кайле Эштоне больше всего: он никогда не выглядел задетым.

Можно было бросить в него сарказмом, обвинением, чашкой кофе — последнее я, впрочем, никогда не решалась опробовать, — а он всё равно смотрел на тебя с невыносимым спокойствием человека, которому жизнь сдала слишком выигрышные карты.

Ненавижу хорошие карты. Особенно в его руках.

— Ты почти не изменилась, — сказал он.

Я приподняла бровь.

— Это сейчас комплимент?

— Скорее наблюдение.

— Тогда наблюдай молча.

Он тихо усмехнулся.

— А характер стал хуже.

— Неправда.

— Нет?

— Я стала лучше его контролировать.

— Не уверен.

— Конечно, не уверен. Для этого пришлось бы знать меня последние десять лет.

Он замолчал.

Попала. Совсем немного — но попала.

Я ощутила детское, совершенно неуместное удовлетворение. Мне давно не семнадцать. Я взрослая женщина с ответственностью, карьерой и ипотекой — последнее особенно хорошо возвращает с небес на землю.

— Ты действительно здесь работаешь? — спросил он.

Я обвела зал взглядом.

— Нет. Я просто очень дорого оделась и решила постоять посреди чужого праздника с планшетом. Хобби у меня такое.

Он посмотрел на планшет. Потом на меня.

— Значит, это твоя работа?

— Нет. Это сделали гномы.

— Гномы?

— Очень профессиональные. Работают круглосуточно, не требуют премии и никогда не задают вопросов.

— Похоже на идеальную команду.

— Почти. Вот только они постоянно теряют отвёртки.

Он рассмеялся. И я тут же пожалела, что позволила себе пошутить, — потому что его смех остался абсолютно, до неприличия прежним.

Чёрт. Десять лет — можно было бы ожидать, что человек за это время станет чужим: голос изменится, жесты, привычки. Что память наконец перестанет узнавать его быстрее, чем разум успеет отдать команду не реагировать.

Но нет. Мой предательский мозг, работающий, кажется, без единого выходного, мгновенно наложил старую версию Кайла поверх новой — и мне это совершенно не понравилось.

Сердце всё равно колотилось чуть быстрее, чем полагается человеку, спокойно узнавшему знакомого на вечеринке.

Знакомого. Просто знакомого. Очень красивого. Очень

раздражающего. Слишком, до неприличия притягательного.

Природа расщедрилась на него сполна: рост, плечи, голос, лицо, эта невозможная улыбка. А в качестве компенсации наградила характером — увы, тоже слишком уверенным в себе.

— Ты оцениваешь меня? — спросил он.

— Нет, — я выдержала паузу. — Я давно знаю, что ты переоценён.

Он рассмеялся снова. Чёрт бы его побрал — мне и правда было весело. Я ненавидела его за самоуверенность, за то, как спокойно он стоял передо мной, не замечая, каких усилий мне стоило держать равнодушное лицо. И особенно — за то, что он был красив. Неприлично красив. Настолько, что даже собственная неприязнь к нему временами спотыкалась об эту деталь.

Признаваться в этом я, разумеется, не собиралась. Ни сейчас, ни потом, ни при каких обстоятельствах.

— Потанцуешь со мной?

Я оглядела его с головы до ног. Ну конечно. Кайл Эштон — человек, искренне уверенный, что слово «нет» придумали исключительно для менее самонадеянных мужчин.

— Нет.

— Даже не подумаешь?

— Уже подумала.

— И?

— Нет.

Он улыбнулся, и что-то во мне немедленно возмутилось. Почему он улыбается? Почему выглядит настолько спокойным? Почему даже не пытается защищаться? Мне хотелось хотя бы крошечной победы — чтобы он хоть на секунду растерял свою невыносимую уверенность.

— Я не танцую с проблемами на каблуках, — сказала я.

— А если пообещаю вести себя прилично?

— Тогда это будет совсем неинтересно.

Что-то в его взгляде на миг изменилось.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Я посмотрела на часы — спасительный жест.

— Мне пора.

— Куда?

— Работать.

— От меня бежишь?

Я рассмеялась — на этот раз по-настоящему.

— Кайл, если бы я от тебя убегала, ты бы даже не успел заметить направление.

Он усмехнулся мне вслед, а я наконец развернулась и пошла через зал, ощущая его взгляд между лопаток так отчётливо, будто он держал руку у меня на спине.

Я не обернулась. Не собиралась дарить ему подтверждение, что его появление хоть что-то во мне изменило. Пусть считает меня равнодушной. Пусть думает, что я забыла.

Мне было всё равно.

Абсолютно.

Дойдя до конца зала, я свернула в коридор — и только там позволила себе остановиться. Закрыла глаза. Один вдох. Второй.

— Чёрт, — я провела ладонью по лбу.

Ненавижу его. Ненавижу.

Я ненавидела его ровно сорок минут — с той секунды, как он опоздал на нашу первую встречу, и до той, когда поняла, что «ненависть» — совершенно не то слово для того, что я чувствую. Кабинет рисования пах скипидаром и высохшей гуашью; я сидела за длинным столом, разложив макет школьной фрески с такой тщательностью, будто от него зависела моя жизнь. В каком-то смысле — зависела: это был первый серьёзный проект, где мне доверили быть главной, а не «девочкой, которая неплохо рисует».

Дверь открылась в семнадцать минут пятого.

Он вошёл в мокрой от пота футболке, с сумкой через плечо и лицом человека, для которого собственное опоздание — скорее подарок окружающим, чем провинность. Не извинился. Просто бросил «привет», будто мы работаем вместе уже месяц, и рухнул на стул напротив.

— Ты опоздал, — сказала я.

— Тренировка.

— У меня тоже была жизнь до этой встречи.

Он посмотрел на меня — впервые по-настоящему, не как на пункт в списке, а как на человека, — и в его взгляде мелк-

нуло что-то среднее между удивлением и раздражением: он явно не привык, чтобы кто-то замечал его опоздания вслух.

— Ладно. Извини.

Прозвучало неубедительно. Скорее рефлекс, чем раскаяние.

Я взяла ручку и молча вычеркнула его имя из списка соавторов. Он это увидел.

— Что ты делаешь?

— Убираю тебя из проекта. Судя по всему, тебе неинтересно, а мне не нужен партнёр, который является, когда вспомнит о моём существовании.

Что-то дрогнуло в его лице — не обида, скорее лёгкий шок: кажется, впервые за долгое время никто не пытался под него подстроиться.

— Я капитан команды.

— Прекрасно. Иди рисуй фреску на футбольном поле.

Именно тогда, кажется, он впервые посмотрел на меня дольше, чем требовала простая вежливость.

Я тогда не знала, что уже через месяц буду ждать его прихода раньше назначенного времени вместо того, чтобы злиться на опоздание.

Тогда я знала лишь одно: этот мальчишка с сумкой через плечо и слишком уверенной осанкой оказался первым человеком, посмотревшим на меня так, будто я сказала нечто, чего он совсем не ожидал услышать.

И мне, кажется, это понравилось. Гораздо больше, чем

следовало.

Я достала телефон. Экран светился сообщением от Зои:

«Ты куда исчезла?»

Я быстро набрала: «Спасаю мероприятие».

Потом взглянула на закрытые двери зала.

— И себя, — тихо добавила я вслух.

Телефон снова завибрировал.

«От кого?»

Печатать имя Кайла почему-то не хотелось. Поэтому я написала: «От одного очень красивого стихийного бедствия».

Отправила — и только после этого осознала, насколько точным оказалось определение.

Потому что Кайл Эштон действительно был стихийным бедствием. Из тех, что не разрушают сразу. Сначала становится очень красиво. Потом — очень тихо. А потом ты обнаруживаешь себя посреди руин собственной выдержки и почему-то не жалеешь, что осталась смотреть на грозу вместо того, чтобы бежать в укрытие.

Я прислонилась затылком к прохладной стене коридора. Хорошо. Именно это мне и требовалось прямо сейчас — что-то холодное, потому что внутри было слишком тепло, и температура в зале была здесь совершенно ни при чём.

Оттолкнувшись от стены, я отправилась искать Зои: мне срочно нужно было либо отвлечься, либо выпить, а бар в моём нынешнем состоянии был откровенно плохой идеей.

Зои нашлась у фуршетного стола — двигала тарталетки на полсантиметра левее с сосредоточенностью сапёра.

— Ты в курсе, что их всё равно съедят через пять минут? — спросила я.

— В курсе.

— Тогда зачем?

— Мне нужно контролировать хоть что-то в этой жизни.

Я усмехнулась.

— Понимаю тебя как никто.

Она подняла глаза — и тут же перестала улыбаться.

— О.

— Что?

— Теперь вижу.

— Что именно?

— У тебя лицо человека, который встретил проблему.

— Я встретила не проблему.

— Тогда почему выглядишь так, будто проблема была очень красивой?

Я закатила глаза.

— Не начинай.

— Я ещё даже не начала.

Она отложила тарталетку — верный знак, что фуршет временно подождёт.

— Он здесь?

Я промолчала. Зои посмотрела через моё плечо, потом снова на меня.

— Боже.

— Что?

— Это правда он.

— Я ничего не говорила.

— Тебе и не нужно. У тебя лицо кричит громче музыки.

Я вздохнула.

— Да.

Она медленно присвистнула.

— И давно ты знала?

— Не знала.

— То есть сюрприз?

— Очень.

— Насколько очень?

Я посмотрела на неё в упор.

— Настолько, что на минуту всерьёз обдумывала возможность уволиться прямо посреди собственного мероприятия.

Зои расхохоталась.

— Вот теперь я тебя узнаю.

— Спасибо.

— Не за что. Просто хочу отметить редкий исторический момент: мужчина сумел вывести из равновесия женщину, способную заставить двадцать человек передвинуть диван на три сантиметра — и убедить их, что идея была их собственная.

— Он просто раздражает.

— Конечно.

— Очень.

— Разумеется.

— И выглядит самодовольно.

— Наверняка.

— И вообще слишком высокого о себе мнения.

— Без всяких сомнений.

Я прищурилась.

— Ты мне не веришь.

— Я тебе верю. Просто хочу понять, почему ты уже третий раз смотришь в его сторону.

Я мгновенно отвернулась.

— Проверяю зал.

— Конечно.

— Свет.

— Разумеется.

— Рассадку.

— Само собой.

— И вообще я работаю.

— Кира, ещё раз скажешь «я работаю» — лично поставлю тебе памятник из тарталеток.

Я рассмеялась. Наконец-то — напряжение хоть немного отпустило.

Зои придвинулась ближе.

— Ладно. Насколько всё плохо?

— Не знаю.

— Ты его ненавидишь?

— Да.

— Отлично.

— Почему «отлично»?

— Потому что если бы ты сказала «мне всё равно» — я бы начала волноваться. Тебе никогда не бывает всё равно, когда человек действительно тебя задевает.

Я посмотрела на неё с подозрением, но ничего не ответила — возразить было нечем, а признавать правду хотелось ещё меньше.

Зои улыбнулась краешком губ.

— Вот именно.

Я вздохнула и посмотрела на зал. Кайл снова оказался в центре внимания — конечно же, даже не прилагая усилий. Просто стоял, что-то говорил, улыбался — и вокруг него уже собиралось привычное скопление людей, уверенных, что близость к нему автоматически повышает их собственную ценность.

Меня раздражало решительно всё: его спокойствие, его улыбка — и то, что я вообще это заметила. Особенно последнее.

— Ладно, — сказала Зои, проследив за моим взглядом. — Раз уж речь зашла о мужчинах, давай проведём профессиональную оценку зала.

— Какую ещё оценку?

— Визуальную.

— Ты неисправима.

— Зато объективна.

Она оглядела толпу.

— Вон тот.

— Женат

— Откуда знаешь?

— Кольцо.

— Хорошо. А этот?

— Недавно развёлся.

— Откуда?

— Уже пятнадцать минут в подробностях рассказывает об этом незнакомой женщине.

Зои поморщилась.

— Понятно.

— Этот?

— Слишком молодой.

— Этот?

— Слишком самоуверенный.

— Этот?

— Слишком скучный.

Она задумалась.

— Ты только что описала девяносто процентов мужчин в этом зале.

— Я настроена оптимистично. Скорее девяносто пять.

Зои рассмеялась.

— А оставшиеся пять?

— Либо женаты, либо счастливы в другом смысле, либо

давно счастливы и не нуждаются в дополнительных проблемах.

— То есть шансов нет?

— Мы женщины. Мы всегда найдём способ усложнить то, что вполне можно было оставить простым.

— Вот за это я тебя и люблю.

— Очень надеюсь, что это не признание.

— Не переживай. Ты слишком сложная.

— А мужчины любят простых.

— Мужчины любят удобных.

Я повернулась к ней.

— Именно.

— Поэтому я давно не пытаюсь нравиться мужчинам.

— А кому пытаешься?

— Себе. Это единственный человек, которому со мной точно жить до конца.

Я рассмеялась.

— Мудро.

— Практично.

Зои снова взглянула в сторону Кайла.

— А этот, значит, твой особый случай?

— Никакой он не особый.

— Тогда почему ты говоришь о нём так, будто он лично оскорбил всю твою родословную?

Я пожала плечами.

— У него талант.

— Какой?

— Раздражать.

— Судя по твоему лицу, талант универсальный.

Я толкнула её плечом.

— Замолчи.

— Никогда.

Мы обе рассмеялись, и на пару секунд всё стало легко. Вот так я и хотела провести этот вечер: работа, музыка, подруга рядом, немного вина позже — и никаких осложнений.

Но тут я снова, будто случайно, посмотрела в сторону Кайла.

Он как раз поднял голову.

Наши взгляды скрестились — на мгновение, не больше. Но и этого хватило: что-то внутри снова предательски дрогнуло.

Я первой отвела глаза.

— Нет, — пробормотала я.

— Что «нет»? — тут же спросила Зои.

— Ничего.

— Кира.

— Знаешь, что самое смешное? — я не выдержала. — Ты способна убедить целый зал людей, что белый цвет бывает двадцати семи оттенков.

— Двадцати девяти, — поправила она.

— Тем более.

Зои взяла ещё одну тарталетку.

— А вот себя ты убедить пока не можешь.

— В чём?

— В том, что тебе на самом деле всё равно.

Я открыла рот, чтобы возразить — и вовремя закрыла. Спорить было бессмысленно. Признавать правду — ещё хуже. Поэтому я просто отобрала у неё тарталетку.

— Эй!

— Эмоциональное питание.

— Ты только что собиралась либо отвлечься, либо выпить.

— Передумала.

Я откусила и снова посмотрела на Кайла.

— Буду есть.

Зои расхохоталась.

— Наконец-то разумное решение.

Я улыбнулась в ответ — потому что иногда лучший способ пережить встречу с мужчиной, способным одним взглядом обрушить твоё душевное равновесие, это съесть его тарталетку.

Он нашёл меня снова около одиннадцати — в том самом коридоре, где часом раньше я приходила в себя после первого раунда.

Похоже, этот коридор твёрдо решил стать нашим личным полем боя на весь вечер.

— Прячешься? — спросил он, привалившись плечом к

противоположной стене.

— Работаю.

— В тёмном коридоре. Вдали от гостей. С бокалом воды вместо шампанского.

— Именно так и выглядит настоящая работа. В отличие от твоей — раздавать автографы и позволять людям фотографироваться с собственным профилем.

Он усмехнулся, но усмешка не дошла до глаз.

— Ты сегодня особенно колючая.

— А ты сегодня особенно наглый. Похоже, мы оба в своей стихии.

Он замолчал на секунду дольше, чем требовала реплика, и его взгляд медленно скользнул по моей шее, задержавшись у ключиц. Воздух между нами моментально загустел, превращая привычный сарказм во что-то куда более опасное.

— Я не просто наглый, — произнёс он тише, шагнув ближе. Расстояние между нами сократилось до почти неприличного минимума; я физически чувствовала исходящее от него тепло. — Я чертовски хочу тебя. Прямо здесь. К чёрту гостей, автографы и весь этот вечер.

Он смотрел мне прямо в глаза — открыто, без единой попытки спрятаться за иронией. Сердце пропустило удар, по телу прокатилась волна жара — но я лишь неторопливо отпила воды, не отводя от него откровенного, дразнящего взгляда. Тело кричало «да» — но выигрывать эту партию было куда приятнее, чем сдаваться в первом раунде.

Я слегка приподняла подбородок, на секунду задержала взгляд на его губах — и снова посмотрела ему в глаза с ленивой, дразнящей улыбкой.

— Красивый сценарий, — тихо произнесла я, проведя пальцем по запотевшему стеклу бокала. — Но твоё главное желание сегодня так и останется фантазией. Ты привык получать всё по первому щелчку пальцев. А я предпочитаю, чтобы мужчины теряли голову немного дольше.

Я шагнула в сторону, задев его плечом и оставив за собой шлейф духов.

— Так что остынь, заново выучись терпению… и возвращайся к своим автографам.

Я одарила его самой безупречной из своих улыбок — той, что берегу для сложных клиентов и мужчин, чрезмерно уверенных в собственной неотразимости.

— Спокойной ночи, Кайл. Была рада — как всегда.

Развернулась на каблуках и пошла прочь, не оборачиваясь, оставляя его наедине с тишиной коридора и, надеюсь, с лёгким привкусом поражения.

Ноги сами вынесли меня к бару — туда, где сегодня стоял Макс.

Мы не встречались. У нас никогда не было ничего похожего на отношения — только пара случайных вечеров за последний год, и то не сразу: Максу пришлось знатно побегать за мной, прежде чем я вообще согласилась дать ему свой но-

мер, а после — ещё пару месяцев напоминать о своём существовании ненавязчивыми сообщениями, прежде чем я сдалась в первый раз. Он оказался на удивление терпеливым для человека с такой внешностью — обычно им терпение ни к чему.

С тех пор — простая договорённость без обязательств, вопросов и утренних неловкостей. Раз в несколько месяцев, когда обоим одиноко и лень искать кого-то нового.

Он окинул меня взглядом ещё до того, как я успела опуститься на высокий стул, — тем самым взглядом мужчины, который прекрасно знает статистику своих шансов и не видит смысла её портить излишней скромностью.

— Спасение или продолжение банкета? — спросил он, лениво протирая бокал.

— Ищу того, кто справится с моим настроением, — я провела ногтем по краю стойки. — А у вашего бара сегодня определённо жарко.

— Справиться с тобой — вызов, который я приму с удовольствием, — он наклонился ближе, узнавая этот тон не хуже меня. — Смена как раз закончилась. Уходим?

— Попробуй меня удержать.

Мы вывалились на улицу и почти запрыгнули в первое подвернувшееся такси. Не успела закрыться дверь, как всякая сдержанность испарилась без остатка — жадный поцелуй, чужие пальцы, находящие путь под тканью платья с уверенностью человека, который явно знает, что делает.

Волна поднималась быстро, неотвратимо, накрывая меня с головой прямо там, на заднем сиденье мчащегося сквозь ночной город такси.

А потом, на самом гребне, он поднял голову.

И в полутьме салона на меня посмотрели не те глаза.

Кайл.

Его лицо. Его взгляд. Меня будто окатили ледяной водой — наслаждение мгновенно свернулось в тугой, злой узел где-то внутри, а следом подступила паника, почти истерика.

— Стой! Останови машину! — выкрикнула я, отталкивая опешившего мужчину.

— Эй, ты чего, мы же почти…

— Я сказала, стой!

Едва такси притормозило у обочины, я вылетела наружу, задыхаясь, и почти побежала прочь — стук каблуков эхом отдавался в ушах, смешиваясь с бешеным стуком сердца.

Финала я так и не получила. Собственное же воображение обрубило всё на взлёте, оставив тело гореть незавершённым, почти оскорбительным жаром.

«Спасибо, Кайл, — думала я, обнимая себя за плечи и пытаясь унять дрожь. — Тебя даже нет рядом, а твоё лицо мерещится мне в чужих руках. Ты слишком основательно засел у меня в голове».

Я замерла под одиноким фонарём, тяжело дыша.

«Ничего. Я сделаю всё, чтобы выжечь тебя из памяти. Или заставлю тебя пожалеть, что ты вообще сегодня здесь по-

явился».

Немного придя в себя, я побрела вдоль пустой дороги. Ночной воздух холодил открытые плечи — после духоты зала мороз ощущался почти спасением. Хотелось, чтобы он остудил не только кожу, но и голову.

В такси я всё-таки сорвалась — коротко, злобно, с парой слёз, которые теперь старательно не замечала. Тушь, судя по всему, тоже решила принять участие в моём вечернем крушении.

Я вытерла щёку тыльной стороной ладони.

Надо было просто дойти домой. Без разговоров. Без людей. Без вопросов.

Особенно без Кайла.

У края тротуара мягко затормозила чёрная машина.

После сегодняшнего вечера случайные автомобили меня больше не привлекали ни в каком качестве. Я отвернулась и прибавила шаг.

Задняя дверь открылась.

— Кира.

Я остановилась.

Из машины вышел Кайл. На секунду мне показалось, что это очередная злая шутка уставшего мозга.

Но нет — он был настоящим. Стоял в нескольких шагах, уже без пиджака, с расстёгнутым воротом рубашки, с тем самым спокойным выражением лица, которое умудрялось раздражать даже тогда, когда мне хотелось просто исчезнуть с

лица земли.

Его взгляд скользнул по мне — и я вдруг остро ощутила размазанную тушь, холодные плечи, спутанные волосы и собственный жалкий вид. Захотелось немедленно привести себя в порядок — и одновременно расплакаться ещё сильнее от одной этой мысли.

Он молчал несколько секунд. Не насмешливо. Без привычного превосходства.

В его лице проступило что-то незнакомое. Тревога? Раздражение? Он тут же спрятал это за обычной невозмутимостью.

— Я не буду с тобой разговаривать, — произнёс он наконец.

Я едва заметно усмехнулась. Даже сейчас.

— У нас это обычно плохо получается, — добавил он и, помолчав, тихо закончил: — Но тебе явно нехорошо.

От этих слов стало неожиданно тяжело. Впервые за весь вечер кто-то просто заметил — не спросил, не потребовал объяснений, не полез с советом.

Он открыл дверь машины.

— Поехали. Подвезу.

Я смотрела то на салон, то на него. Разум кричал «нет». Гордость — тем более. Но мне до отчаяния хотелось перестать быть сильной хотя бы на несколько минут.

— Я не прошу тебя меня спасать, — тихо сказала я, едва узнавая собственный голос.

— А я и не предлагаю спасение, Кира, — так же тихо ответил он. — Я предлагаю просто сесть в машину.

Он смотрел без привычной насмешки — и от этого становилось только хуже.

Я сделала шаг вперёд. Потом ещё один. С каждым шагом внутри спорили две совершенно разные Киры — одна требовала остановиться, другая слишком устала бежать. Проходя мимо него к открытой двери, я едва задела его плечом — и по коже прошла дрожь, вовсе не от холода.

В машине стояла тишина — слишком плотная для двух людей, которым было что сказать друг другу, но которые предпочли молчать.

Кайл сидел рядом. Я чувствовала его присутствие, даже не глядя в его сторону, и именно это оказалось самым невыносимым. Не близость. Не молчание. А то, насколько привычным вдруг стало само ощущение — что он рядом.

Будто какая-то часть меня всё это время помнила то, что я так старательно пыталась забыть.

— Держи, — он протянул мне пиджак.

— Не нужно.

— Ты замёрзла.

— Справлюсь.

Он посмотрел на меня тем самым взглядом, который раньше заставлял спорить из чистого принципа. Сейчас в нём не было вызова — только спокойная уверенность. Я забрала пиджак. Тёплый. И почему-то после этого держать ди-

станцию стало заметно труднее.

Ненавижу. Ненавижу, что рядом с ним мне всё ещё хочется быть сильной. И ещё больше ненавижу, что иногда рядом с ним хочется перестать ею быть.

Машина скользила сквозь ночной город. Я поймала его отражение в тёмном стекле — он тоже смотрел на меня, всего несколько секунд.

Я первой отвела глаза, делая вид, что рассматриваю размытые пятна фар за окном. Очень профессионально, Кира. Особенно если учесть, что пять минут назад ты твёрдо решила больше никогда на него не смотреть.

Водитель притормозил у шлагбаума моего комплекса, сверился с адресом, пробормотал что-то про закрытые дворы и вечную проблему с парковкой в этом городе.

Кайл посмотрел на подсвеченный фасад за воротами.

— Впечатляет.

Я даже не повернула головы.

— У меня хороший вкус.

Пауза.

— И ипотека на тридцать лет. Не путай одно с другим.

Уголок его рта дрогнул — почти улыбка, первая за всю дорогу. Я тоже едва заметно улыбнулась — и тут же мысленно отругала себя за это. Обоим нам было бы значительно спокойнее без подобных улыбок.

Машина остановилась у входа.

Наконец-то. Я потянулась к дверце.

— Кира.

Я замерла.

Ну разумеется. Просто выйти и закончить этот вечер было бы слишком просто.

— Что?

Он молчал. Я повернулась к нему. В полутьме салона его лицо казалось непривычно спокойным — без усмешки, без желания оставить за собой последнее хлёсткое слово.

Водитель с деликатностью человека, повидавшего слишком много чужих драм, внезапно погрузился в телефон.

— Ничего, — сказал Кайл. И, помолчав: — Доброй ночи.

Вот и всё. Ни эффектной фразы, ни финального выпада. Просто два слова.

Я шагнула под холодный дождь и с силой притянула к себе дверь — замок щёлкнул, отрезая путь назад. Стараясь удержать ровный шаг, я направилась к стеклянным дверям лобби. Главное — не оборачиваться. Посмотреть назад означало бы признать, что мне всё ещё важно, провожает ли он меня взглядом, а искушать судьбу сегодня больше не хотелось: неприятностей и так хватало с избытком.

Консьерж молча протянул полотенце.

— Спасибо.

В лифте, поднимаясь на четырнадцатый этаж, я наконец позволила себе признать очевидное: вечер прошёл совершенно не по плану. Да и сам план, если честно, был так себе.

Я взглянула на своё отражение в зеркальной панели.

Растрёпанные волосы. Слегка поплывшая тушь. Платье каким-то чудом всё ещё держится.

— Отлично, — сказала я отражению. — Просто превосходно.

Лифт поднялся ещё на этаж.

Завтра будет новый день. Работа, кофе, дела. И никаких неожиданных встреч — по крайней мере, звучало это как вполне разумный план.

А разумные планы, как известно, особенно хорошо работают именно в моей жизни.

Я сбросила его пиджак на спинку стула, но пальцы сами сжали плотную ткань. На секунду я замерла, уткнувшись в воротник и впитывая чужой, но до боли въевшийся в память запах. Десять лет прошло. И это всего лишь второй раз, когда я возвращалась домой, надев его вещи.

— Ещё немного, — пробормотала я вслух, обращаясь к пустой квартире, — и твой гардероб окончательно переедет ко мне, Эштон. Придётся выделять отдельную вешалку.

Мысль откровенно не понравилась — в первую очередь потому, что где-то на периферии сознания она отозвалась чем-то подозрительно похожим на тепло, а не на раздражение, которое полагалось бы испытывать.

На следующий день я пришла в кабинет рисования на десять минут раньше положенного.

Сказала себе — из-за макета: нужно доделать раскад-

ровку до его прихода, чтобы не тратить время на пустые разговоры.

Неправда, разумеется.

Мне просто хотелось увидеть, придёт ли он вовремя во второй раз.

*Он пришёл — минута в минуту, всё ещё в кроссовках после утренней пробежки, с растрёпанными волосами и тем самым внимательным, чуть насмешливым взглядом, который накануне застал меня врасплох.**

*— Не опоздал, — сказал он вместо приветствия, падая на стул напротив.**

*— Заметила.**

*— Запиши в личное дело. Хорошее поведение.**

*— У тебя нет личного дела в моём кабинете, Эштон. У тебя есть список соавторов, из которого я тебя вчера вычеркнула.**

*Он наклонился вперёд, облокотившись на стол, и посмотрел так, что я вдруг остро осознала расстояние между нашими лицами — не критическое, но достаточное, чтобы почувствовать неловкость от того, что я вообще его заметила.**

*— И что нужно, чтобы меня вписали обратно?**

*— Пунктуальность. Полезность. Минимум саркастичных комментариев по поводу моей работы.**

Мы проработали два часа. Он оказался неожиданно полезен — помнил имена всех тренеров за последние двадцать

*лет, знал даты турниров для фрески, притащил старые фотографии из архива спортзала, о существовании которых я даже не подозревала.**

К концу недели я перестала засекать его опоздания. Он перестал опаздывать. К концу второй недели я перестала мысленно называть его «капитан Эштон» и начала называть просто Кайлом — сперва про себя, потом вслух, случайно, и тут же пожалела об этом, потому что он это заметил и явно не собирался позволить мне забыть.

На третьей неделе, поздним вечером, в кабинете рисования остались только мы двое и звук капающей за окном осенней измороси.

Я не спала нормально уже трое суток — доделывала эскизы для гранта параллельно с фреской — и в какой-то момент просто уронила голову на скрещённые руки прямо среди красок и карандашей, пообещав себе закрыть глаза буквально на минуту.

Проснулась от того, что вокруг плеч стало тепло.

Кайл сидел напротив, за ноутбуком, старательно делая вид, что увлечён составлением списка дат для фрески — хотя список, судя по экрану, не сдвинулся ни на строчку за всё то время, что я спала.

На мне была его толстовка. Наброшенная сверху, без нажима — просто чтобы согреть.

— Долго я спала? — спросила я хрипло.

— Сорок минут, — сказал он, не отрываясь от экрана.

— Не благодари. Просто надоело слушать, как у тебя зуб на зуб не попадает от местного отопления. Здание тридцатых годов, что тут скажешь.

— Ты мог просто закрыть окно.

— Мог, — согласился он. — Но толстовка выглядела эффективнее.

Я потянулась было её снять.

— Не снимай, — сказал он, всё ещё глядя в экран, хотя голос выдал его с головой — слишком быстро, слишком настойчиво для человека, которому якобы всё равно. — Мне и так жарко после тренировки.

На толстовке, поверх обычного логотипа команды, был пришит маленький, кривой, явно самодельный значок — вышитый краб с непропорционально огромными клешнями.

Я не сразу поняла отсылку.

— Это… краб?

Никто и никогда прежде не запоминал мои случайные слова настолько всерьёз, чтобы превратить их в подарок. В моей семье не было на это ни времени, ни сил — все были заняты выживанием, а не сентиментальностью. А этот самоуверенный, избалованный вниманием капитан школьной команды запомнил мимолётную глупую шутку и заставил сестру три вечера вышивать краба.

— Спасибо, — сказала я тихо, и голос предательски дрогнул сильнее, чем мне хотелось бы.

— Не за что, — он снова уткнулся в экран, но подрагива-

ющие уголки губ выдавали, что он доволен собой куда больше, чем показывал. — Носи с достоинством. Фамильная реликвия.

Я не сняла эту толстовку до конца вечера.

Лифт мягко остановился. Двери разъехались, впуская тишину пустого коридора.

Я вышла — всё ещё думая о той семнадцатилетней себе, которая понятия не имела, сколько ей предстоит потерять.

И о том, что спустя десять лет, один вечер и один взгляд через зал спустя — часть меня, кажется, вновь готова была ждать его прихода раньше назначенного времени.

Вопрос был только один: хватит ли мне на этот раз ума не повторить ту же ошибку дважды.

Глава вторая. Кайл. Выскочка

Будильник прозвенел в семь, и первые пятнадцать минут утра прошли в обычном режиме: холодный душ, кофе на ходу, попытка найти вторую бутсу, которая необъяснимым образом оказалась в холодильнике — благодаря племяннику Маркуса, который вчера заезжал в гости и, судя по всему, решил, что это забавно.

— Твой племянник — угроза национальной безопасности, — сказал я, кидая ему бутсу через всю раздевалку сорок минут спустя.

— Ему семь лет.

— Значит, к четырнадцати он захватит город.

Маркус засмеялся и едва не уронил кофе на Джексона, который в этот момент завязывал шнурки, сидя на скамейке в одном полотенце и явно опаздывая на построение.

Тренировка началась вовремя, как всегда, — с разминки, за которой тренер наблюдал с видом человека, лично ответственного за физическое благополучие каждого из нас, и с той же неизменной фразой: «Быстрее, дамы, мы не на пикнике».

Первые полчаса прошли гладко.

Потом молодой защитник Соарес — тот самый, что вчера облил туфли спонсорской жены, — умудрился на ровном месте подвернуть ногу, наступив в лунку от вчерашнего до-

ждя, которую поле почему-то не удосужилось просушить. Пришлось на десять минут прерваться, вызывать врача, слушать, как Соарес клянётся, что «всё нормально», хотя явно хромал сильнее, чем хотел показать.

— Растяжение, — вынес вердикт врач. — Неделю без нагрузки.

— Но матч в субботу!

— Значит, посмотришь его с трибуны.

Соарес выругался так витиевато, что тренер сделал ему замечание за лексику, а не за травму, и мы продолжили тренировку без него, на одного игрока меньше и с одним заметно более мрачным составом защиты.

К концу тренировки я успел заработать три точных удара, один особенно злой подкат, за который получил замечание, и разбитую бровь — не свою, Маркуса, который слишком увлёкся борьбой за мяч и не заметил моего локтя.

— Ты специально, — прогундосил он, зажимая бровь полотенцем.

— Случайно. Считай это платой за бутсу в холодильнике.

— Это был не я!

— Конечно.

Мы оба знали, что это был он.

В раздевалке было шумно и привычно — запах пота, дезинфекции и чужого одеколона, звон бутылок с водой, чей-то телефон, из которого орала музыка слишком низкого качества для такой громкости. Я стянул футболку, кинул её в

сумку и полез за чистой, когда дверь раздевалки распахнулась без стука.

Резко. Решительно. С энергией человека, которому плевать на последствия, потому что дело важнее приличий.

Кира.

Сегодня без вчерашнего изумрудного шёлка — в узких тёмных брюках и блузке цвета слоновой кости, с волосами, собранными в подобие пучка, из которого уже выбивалось на волю несколько светлых прядей. Румянец, залив щёки, спускался куда-то к обнажённой линии шеи, туда, где ключицы исчезали под тканью блузки, — и я поймал себя на том, что слишком внимательно слежу за тем, как быстро вздымается и опускается эта линия при каждом её взбешённом вдохе.

Зелёные глаза — те самые, что умели становиться холоднее льда за долю секунды, — сейчас метались по раздевалке с ужасом человека, попавшего не в ту дверь и слишком гордого, чтобы просто развернуться и сбежать. Брюки обтягивали бёдра ровно настолько, чтобы напомнить любому в этой комнате — включая меня, — что деловой костюм не отменяет всего остального, что скрывается под ним. Длинные ноги, уверенная стойка, руки, скрещённые на груди с показной небрежностью, которая никого в этой комнате не обманула ни на секунду.

В помещении, полном голых по пояс, а кое-где и вовсе без всякого пояса, потных футболистов.

Всё на секунду замерло.

Она замерла тоже — быстрая вспышка паники на лице, румянец, заливший щёки до самых ушей, взгляд, судорожно ищущий, куда бы его деть, лишь бы не задерживаться ни на одном из полуголых тел вокруг.

Кто-то присвистнул.

— Дамы и господа, — протянул Джексон с идиотской ухмылкой, ничуть не смущаясь того, что стоял в одном полотенце, — у нас гостья.

— Заблудилась? — подхватил Родригес. — Женская раздевалка дальше по коридору, солнышко.

Кира вспыхнула ещё сильнее — но подбородок у неё поднялся ровно на тот самый градус, который я слишком хорошо помнил ещё по кабинету рисования в старшей школе.

— Я прекрасно вижу, где нахожусь, — отчеканила она, ни на кого конкретно не глядя, но так, что улыбка Родригеса слегка увяла. — Так же прекрасно, как вижу, что некоторым из вас стоит благодарить спортивную форму, а не природу, за то немногое, чем вы сейчас размахиваете.

Секунда тишины. Потом кто-то заржал в голос — кажется, Маркус, — и общее веселье резко переключилось с неё на самого Родригеса, который стремительно менялся в лице.

— А ты, — она развернулась к Джексону, — постарайся в следующий раз узнавать гостью, а не строить из себя конферансье. Особенно учитывая, что твой клуб платит моему агентству за то, чтобы такие вечера, как вчера, выглядели

прилично.

Джексон стух так же быстро, как воодушевился.

Я стоял в паре метров, всё ещё без футболки, и наблюдал за этим представлением с растущим, совершенно неуместным восхищением.

Выскочка. Именно так я называл её про себя ещё в школе — девчонка из арт-отдела, ведущая себя так, будто ей принадлежит весь мир, хотя формально принадлежал ей только список рассадки да пара банок гуаши.

Ничего не изменилось. Разве что теперь список рассадки стоил на несколько нулей больше.

Через месяц после того злополучного вычеркнутого имени пошёл дождь — не осенняя морось, а настоящий ливень, обрушившийся на город без предупреждения, пока мы оба торчали на автобусной остановке после очередного вечера в кабинете рисования.

У неё не было зонта. У меня была куртка — та самая, командная, с эмблемой на груди, которую я обычно снимал только в раздевалке.

— Не нужно, — сказала она, когда я набросил куртку ей на плечи, не спрашивая разрешения.

— Знаю. Носи.

— Я похожа на человека, которому нужна благотворительность?

— Ты похожа на человека, который через пять минут

станет мокрым до нитки и будет винить в этом меня, если я не отдам куртку сейчас.

Она закатила глаза, но куртку не сняла — всю дорогу до её остановки, пока автобуса всё не было и не было, а дождь усиливался, будто у него имелись личные счёты с нашим городом.

Мы стояли рядом под тонким козырьком, слишком тесным для двоих, и я впервые за месяц позволил себе рассказать ей то, что не рассказывал вообще никому: что не уверен, люблю ли я футбол на самом деле, или просто боюсь того, что случится, если перестану быть в нём лучшим.

Она не пыталась меня утешить. Не сказала привычное «ты справишься» или «ты лучший, о чём ты вообще беспокоишься». Просто слушала — по-настоящему, не отводя глаз, будто мои слова имели значение сами по себе, а не как повод сказать что-то ободряющее в ответ.

— Тяжело, наверное, — сказала она наконец. — Быть тем, кем все хотят, чтобы ты был.

Это было первое, что кто-либо сказал мне за долгое время, и что не звучало как совет или упрёк.

Автобус так и не пришёл вовремя. Мы прождали сорок минут под дождём, две мокрые фигуры под одним слишком тесным козырьком, и я помню это отчётливее, чем любой матч того сезона: как пахла её мокрая от дождя куртка — моя куртка, — как она дрожала от холода, но не жаловалась, как в какой-то момент, не сговариваясь, мы просто

перестали разговаривать и стояли рядом молча, и это молчание было настолько правильным, что я боялся его нарушить.

Тогда я ещё не понимал, что именно в тот вечер, под тем самым дырявым козырьком, что-то во мне необратимо сместилось — и обратной дороги, судя по всему, уже не существовало.

— Кайл Эштон, — она наконец повернулась ко мне, и вся её ярость, адресованная Джексону секунду назад, немедленно переключилась на новую цель. Взгляд скользнул по мне сверху вниз — не дольше секунды, но достаточно, чтобы я заметил, как она тут же отвела глаза, будто обжёгшись. — Нам нужно поговорить. Прямо сейчас.

— Я тоже рад тебя видеть.

— Это не светский визит.

— Оно и заметно.

— У тебя пять минут. Наедине. Или обсудим это здесь, при свидетелях, — выбор за тобой.

Я накинул футболку.

— Кабинет тренера свободен. Пошли.

Она развернулась и вышла первой, той же решительной походкой, с которой вошла. Проходя мимо Маркуса, я поймал, как он беззвучно артикулирует одними губами: «Она невероятна».

Он был прав. Признавать это вслух я по-прежнему не со-

бирался.

Кабинет тренера пропах старым кофе и мазью для растяжений. Кира вошла, дождалась, пока я закрою дверь, и тут же выложила на стол телефон, развернув экран ко мне.

— Это фотография с прошлого вечера, — сказала она ледяным тоном. — Твоя. У бара. С бокалом в руке и явно нетрезвым взглядом — и ровно за твоей спиной виден логотип титульного спонсора, перевёрнутый, потому что кто-то из твоей свиты умудрился облокотиться на рекламную стойку и сдвинуть её на середине вечера.

Я посмотрел на экран. Логотип страховой компании действительно красовался вверх ногами, а я на фото выглядел так, будто мне принадлежит весь бар вместе с содержимым.

— И что?

— А то, что фото уже гуляет в трёх аккаунтах спортивных блогеров с подписью в духе «спонсоры в шоке: капитан позорит бренд партнёра». К обеду это будет в новостях, а вечером мне придётся объяснять твоему клубу, почему на мероприятии, которое организовывало моё агентство, никто не заметил перевёрнутый баннер за три часа до того, как это попало в интернет.

— Так почини стойку и разошли опровержение.

— Уже сделала. В шесть утра.

Она произнесла это с такой убийственной невозмутимостью, что я почувствовал укол чего-то, отдалённо похожего на уважение.

— Тогда в чём проблема?

— Проблема в том, что твой пресс-агент уже позвонил моему боссу и попытался переложить всю ответственность на агентство. Мне нужно, чтобы ты позвонил ему и прояснил ситуацию. Сегодня. До обеда.

Я скрестил руки на груди.

— А если не позвоню?

Она прищурилась.

— Тогда я лично прослежу, чтобы в следующем годовом отчёте по контракту твоё имя фигурировало исключительно в разделе «репутационные риски».

Я невольно улыбнулся.

— Позвоню. Не потому что боюсь твоего отчёта.

— А почему тогда?

— Потому что мне лень разгребать этот бардак самому, а ты, судя по всему, уже сделала за меня половину работы.

Она смерила меня долгим взглядом — и я воспользовался паузой, шагнув чуть ближе, чем того требовало приличие делового разговора.

— Что ты делаешь? — спросила она, не отступая, хотя явно собиралась.

— Разговариваю с тобой.

— На расстоянии, которое обычно называют личным пространством.

— У нас с тобой никогда не было личного пространства, Кира.

Я потянулся и заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос — жест, который занял едва ли секунду, но заставил её замереть так резко, будто я дотронулся до оголённого провода. В воздухе мгновенно вспыхнуло то самое густое, тяжело ложащееся на грудь напряжение, когда сухой язык липнет к нёбу, а каждый вдох даётся с трудом.

— Не трогай меня, — сказала она тихо, но выдох получился слишком рваным, чтобы звучать убедительно.

— Почему? — я не убрал руку сразу. Пальцы скользнули ниже, медленно и влажно оглаживая горячую кожу её шеи, накрывая ладонью место, где безумно билась жилка — предательски дикий ритм для человека, только что говорившего об отчётах и репутационных рисках. Я чуть сжал пальцы, чувствуя её жар. — Тебе не нравится?

— Дело не в том, нравится или нет... — голос её сорвался на полушёпот, когда мой большой палец случайно задел чувствительную ложбинку у ключицы.

— А в чём тогда?

Она резко отступила на шаг, наконец разорвав контакт, но воздух между нами буквально плавился. Она вздёрнула подбородок с тем самым выражением — броня, натянутая слишком туго, чтобы скрыть, как тяжело и часто вздымается её грудь под блузкой. Под моей тканью тоже всё отозвалось мгновенным, тяжёлым голодом.

— В том, что я не собираюсь становиться очередным

пунктом в списке твоих вчерашних побед, Эштон.

— Никакого списка нет. Есть только ты, — я понизил голос до грудного, почти животного хрипа и сделал шаг вперёд, снова сокращая дистанцию вплотную, так, чтобы она почувствовала, насколько невыносимо сильно я её хочу. — И абсолютно конкретное, ничем не прикрытое желание затащить тебя в ближайшую свободную комнату, сорвать эту чёртову одежду и напомнить нам обоим, как сумасшедше мы не могли держать руки друг от друга подальше. До синяков. До крика.

Она издала короткий, почти невольный смешок, но в её глазах, ставших почти чёрными от расширившихся зрачков, читался чистый, неразбавленный страх перед собственной вспыхнувшей похотью.

— Ты серьёзно сейчас это сказал вслух.

— Абсолютно серьёзно, — я наклонился к самым её губам, обжигая дыханием. — Я хочу тебя так, что у меня суставы ломит.

— В кабинете тренера? Пропахшем «Финалгоном»?

— Романтика — не главный мой талант, — я перехватил её запястье, заставляя её ладонь ощутить, насколько я теряю над собой контроль, и прошептал прямо в раскрывшиеся губы: — Есть другие. И ты прекрасно помнишь, на что способны мои губы и пальцы.

— Не в этой жизни, Кайл.

— Жаль. Я бы неплохо постарался тебя переубедить.

— Даже не начинай стараться. — Она шагнула к двери, но у самого порога обернулась, и уголок её рта дрогнул почти против воли. — И вообще, тогда ты хотя бы дожидался, пока я сама сделаю первый шаг.

— Мог бы дождаться и сейчас.

— Могу пообещать тебе одно: ждать придётся долго.

Она развернулась к двери.

— Кира.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Что?

— Спасибо за половину работы.

Она чуть повернула голову — ровно настолько, чтобы я увидел половину усмешки.

— Не привыкай, Эштон.

И вышла, оставив дверь открытой.

Звонок пресс-агенту занял ровно четыре минуты и был на удивление скучным для события, которое утром грозило стать катастрофой: агент извинился, признал, что переборщил с претензиями к агентству, и пообещал сам разобраться с блогерами.

— Кризис исчерпан? — спросил Маркус, когда я вышел из кабинета.

— Исчерпан. — Я кинул ему полотенце. — В отличие от твоей брови.

— Моя бровь теперь часть моего шарма.

— Твой шарм и без того нуждался в помощи.

Он показал мне неприличный жест и захромал в сторону душевых.

Обед я обычно провожу в клубной столовой — не из любви к казённой еде, а потому что там меньше шансов, что кто-то из журналистов подкараулит меня с диктофоном. Сегодня, впрочем, спокойного обеда не случилось: не успел я сесть, как за соседний столик плюхнулась дочь одного из членов совета директоров — та самая, вчерашняя, в другом платье, но с тем же выражением лица человека, точно знающего, чего хочет.

— Слышала про баннер, — сказала она, будто мы были лучшими друзьями, и без всякого приглашения пересела на стул рядом со мной, а не напротив. — Кошмар. Тебе, наверное, ужасно неловко.

— Переживу.

— Если что, я знаю отличного пиарщика. Могу дать номер, — она положила ладонь мне на предплечье, задержав её чуть дольше, чем требовал жест, и провела пальцами вдоль рукава с видом человека, проверяющего качество ткани. — А ещё я знаю отличный способ снять стресс после тяжёлого дня. Могу показать. Сегодня же.

— У меня уже есть пиарщик. И план на вечер.

— Планы можно поменять.

— Мои — нет.

Она наклонилась ближе, понизив голос до того самого тона, который, видимо, срабатывал безотказно во всех прочих

случаях её жизни.

— Кайл. Я не прошу многого. Просто один вечер. Ты не пожалеешь.

Я мягко, но решительно снял её ладонь со своего предплечья.

— Зато я точно знаю, кто пожалеет, если твой отец узнает, как настойчиво ты обхаживаешь капитана команды, в которую он вложил половину своего состояния.

Она чуть отпрянула — не обиженно, скорее оценивающе, будто пересчитывая шансы.

— Ладно, — сказала она наконец, поднимаясь. — Но предложение остаётся в силе.

— Спроси у Маркуса. Он эксперт по подобным предложениям и явно свободнее меня.

Маркус, сидевший через стол, чуть не подавился курицей.

Девушка, впрочем, не смутилась — просто переключила внимание на него с той же скоростью, с какой секунду назад включила его на мне. Но прежде чем отвернуться окончательно, она успела бросить в мою сторону короткий, ледяной взгляд — из тех, что обещают не забыть униженный отказ на глазах у половины столовой. Ванесса Хэррингтон — дочь того самого председателя, чьё имя открывало ей двери в любой кабинет клуба, — не привыкла, чтобы её отшивали. Особенно публично. Особенно ради предпочтения, отданного «лени», как я это назвал, вместо неё.

Я тогда не придал этому взгляду никакого значения.

Оказалось, зря.

— Ты специально меня подставил, — прошипел Маркус, пока она отвернулась.

— Считай, что это плата за бутсу в холодильнике.

— Я же говорил, это не я!

— Конечно.

К концу обеда пришло сообщение от менеджера по коммуникациям: блогеры удалили посты, извинения приняты, кризис официально закрыт. Один вполне удачный день на фоне вчерашнего вечера.

К четырём я уже сидел на встрече со спонсорами, слушая презентацию о новой линейке экипировки, когда дверь конференц-зала распахнулась и внутрь буквально ввалился один из младших менеджеров клуба — запыхавшийся, с выпученными глазами человека, только что увидевшего конец света в масштабах одного здания.

— Мистер Хэррингтон застрял в лифте, — выпалил он. — Вместе с журналистами из спортивного канала.

В комнате повисла тишина.

— Надолго? — спросил я первым.

— Аварийная служба едет. Минут двадцать, может, дольше.

— Он в порядке?

— Кричит. Но, кажется, больше от возмущения, чем от страха.

Кто-то из спонсоров тихо фыркнул, пытаясь не рассме-

яться. Я тоже с трудом сдержался — представив себе председателя совета директоров, застрявшего между этажами в компании журналистов с включёнными диктофонами, которые теперь наверняка запишут каждое его недовольное слово для потомков.

— Кто-нибудь, принесите ему воды через щель, — сказал я. — И скажите техникам, что если это попадёт в новости раньше, чем он выберется, у клуба будет вторая пиар-катастрофа за сутки.

Встречу пришлось прервать. Я вышел в коридор, где уже собралась небольшая толпа зевак у злополучного лифта, и услышал сквозь дверь приглушённый, но безошибочно узнаваемый голос председателя, произносящий фразы, которые точно не войдут ни в один официальный пресс-релиз клуба.

— Мистер Хэррингтон, — крикнул я в щель между дверьми, — держитесь. Аварийная служба уже в пути.

— Эштон, это ты? — донеслось изнутри, уже спокойнее. — Скажи им, что если я просижу здесь дольше получаса, кто-то в этом клубе точно лишится премии в этом квартале.

— Передам, сэр.

Из-за двери донёсся смешок одного из застрявших журналистов — судя по звуку, попытка председателя сохранить достоинство в замкнутом пространстве полутора на полтора метра явно давалась ему не без труда.

Лифт освободили через сорок минут. Хэррингтон вышел с идеально ровной спиной и выражением лица человека, для

которого этого происшествия попросту не было, — и тут же созвал внеочередное совещание по вопросу «немедленной модернизации лифтового оборудования», хотя лифты в здании меняли меньше двух лет назад.

К шести вечера, вернувшись домой после бесконечного дня, состоящего из растяжений, баннеров, наглых поклонниц и застрявших председателей, я обнаружил у себя на телефоне сообщение, от которого странно екнуло где-то внутри.

Кира.

«Спасибо за звонок пресс-агенту. Кризис официально закрыт».

Я долго смотрел на это сухое, идеально нейтральное сообщение, прежде чем набрать ответ.

«Всегда пожалуйста. Как насчёт моего пиджака?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Химчистка работает до девяти. Успеешь забрать сам».

«А если не успею?»

«Тогда, боюсь, он навсегда останется трофеем моего шкафа».

Я невольно усмехнулся, глядя на экран. Раздражение никуда не делось — оно просто на секунду уступило место чему-то более простому и куда менее опасному: голому, беспримесному желанию продолжать эту перепалку до утра.

«Трофей предполагает, что ты выиграла бой», — набрал я.

«А разве не выиграла?»

«Бой ещё не закончен, Беннетт».

Она не ответила больше — и это молчание, как ни странно, зацепило сильнее, чем ответила бы любая колкость.

Я отложил телефон, прекрасно понимая, что весь вечер снова проведу, думая о женщине, которая явно не планировала облегчать мне задачу — забыть её во второй раз.

Утро началось с новой сотрудницы в переговорной клуба — и с кофе, который кто-то умудрился залить прокисшим молоком, забытым в холодильнике общей кухни явно не первую неделю, судя по лицу Джексона, отхлебнувшего половину стакана прежде, чем понял ошибку.

— Кто вообще забывает молоко в холодильнике на две недели? — просипел он, отплёвываясь.

— Судя по всему, тот же гений, который прячет чужие бутсы, — заметил я, покосившись на Маркуса.

— Я не при чём!

— Ты всегда не при чём, Маркус. Это уже становится твоим фирменным алиби.

Джексон, всё ещё морщась, поплёлся полоскать рот, а тренер, не обращая внимания на утренний хаос, хлопнул в ладоши, собирая нас на брифинг.

— Прежде чем начнём, — сказал он, — хочу представить нового человека в нашей структуре. Бри будет заниматься цифровым контентом клуба — соцсети, внутренние коммуникации, вот это всё.

Женщина, стоявшая рядом с ним, улыбнулась залу той самой отработанной, идеально ровной улыбкой, с которой обычно фотографируются на аватарки для рабочих профилей. Рыжеватые волосы, аккуратный костюм, вежливый прищур человека, привыкшего запоминать имена быстрее, чем ему их называют.

— Бри Уолш, — представилась она. — Рада наконец работать вблизи, а не только через пресс-релизы.

Что-то в её голосе показалось смутно знакомым — тень акцента, манера чуть растягивать гласные, — но я не придал этому значения. Мидоубрук, откуда я родом, не самый уникальный город на свете; наверняка мы просто пересекались когда-то на матче или благотворительном мероприятии.

— Приятно познакомиться, — сказал я коротко, пожимая протянутую руку ровно столько, сколько требовал протокол, — не больше.

Она задержала мою ладонь на долю секунды больше, чем требовалось.

— Взаимно, Кайл, — произнесла она с той интонацией, с которой произносят имена людей, о которых знают гораздо больше, чем показывают. — Наслышана о вчерашнем банере. Не переживайте, у меня богатый опыт разгребания подобных историй.

Я не придал значения и этому. Мало ли какой у человека опыт в PR — с моей стороны было бы странно ожидать иного от специалиста по кризисным коммуникациям.

Брифинг прошёл своим чередом — расписание, медиаплан на неделю, обсуждение предстоящего выездного матча. Я слушал вполуха, думая о том, что вечером нужно всё-таки заехать за пиджаком, прежде чем Кира и правда оставит его себе трофеем.

Планам не суждено было сбыться.

Всё началось около трёх часов дня, когда меня вызвали в кабинет генерального директора клуба — вызов настолько нетипичный, что по дороге туда я успел перебрать в голове дюжину причин, ни одна из которых не оказалась даже близко к реальности.

В кабинете, помимо самого директора, сидели финансовый директор клуба, юрист и человек в строгом костюме, представившийся аудитором внешней компании, которую клуб нанимал для проверки контрактов.

— Кайл, присядьте, — сказал директор тоном, каким обычно сообщают о серьёзных травмах или ещё более серьёзных проблемах. — У нас возникла ситуация, касающаяся агентства Voss Creative.

— Какого рода ситуация?

Юрист выложил на стол папку с распечатками.

— Сегодня утром в наш комплаенс-отдел поступило анонимное обращение, а копия — в редакцию делового издания. В обращении утверждается, что агентство Кристины Беннетт выставило клубу завышенные счета за организацию сезонного мероприятия через подставного подрядчика,

а разницу — порядка сорока тысяч долларов — получило обратно в виде отката на счёт, связанный лично с мисс Беннетт.

Земля под ногами ощутимо покачнулась.

— Это какая-то ошибка.

Прозвучало не так твёрдо, как мне хотелось бы. Где-то на периферии сознания уже завозилось старое, неприятное узнавание — то самое чувство, которое я помнил ещё с восемнадцати лет: земля точно так же уходила из-под ног в тот момент, когда выяснилось, что человек, которому доверяешь, устроен совсем не так, как ты себе вообразил.

— Вот документы, — аудитор развернул ко мне распечатку. — Счёт от компании «Бело Декор Ивентс» — подрядчика, который якобы поставлял цветочные композиции. Компания зарегистрирована три недели назад, юридический адрес — съёмный почтовый ящик в соседнем штате. Реквизиты счёта для платежа привязаны к банку, где, по нашим данным, у мисс Беннетт есть личный депозитный счёт.

Три недели назад. Ровно тогда она узнала, что выиграла годовой контракт с клубом — крупнейший в карьере, судя по тому, с каким азартом она о нём рассказывала на вечере открытия сезона. Достаточно денег, достаточно мотива, чтобы почти оправдать циничную мысль, немедленно закравшуюся в голову: если сорок тысяч можно получить прямо сейчас, вместо того чтобы полгода честно отрабатывать контракт, — какая, в сущности, разница для человека, который

уже однажды предпочёл лёгкий путь честному разговору.

Я тут же одёрнул себя за эту мысль.

— Надеюсь это сфабриковали, — сказал я, но уже без прежней уверенности.

— Возможно, — сказал юрист без особого энтузиазма в голосе. — Но пока это не доказано, клуб обязан заморозить оставшиеся выплаты по годовому контракту с агентством и передать материалы в компетентные органы. Таковы правила при подозрении в финансовых махинациях подобного масштаба.

— Вы были на связи с мисс Беннетт последние два дня, — сказал директор, внимательно наблюдая за моим лицом. — У вас есть основания подозревать, что она могла пойти на нечто подобное?

Вопрос повис в воздухе, и я почувствовал, как что-то внутри — старое, десятилетиями оттачиваемое умение сомневаться в людях, которым однажды позволил себе довериться до конца, — уже не просто дрогнуло, а начало медленно, методично разворачиваться в полную силу.

Она уехала тогда без единого слова объяснения. Просто собрала вещи и исчезла. Люди не меняются, они просто оттачивают технику — вот что подсказывал мне весь мой опыт, вся насмотренность человека, которого использовали для статуса и денег чаще, чем я готов был признать вслух.

— Не знаю, — сказал я наконец, и это было честнее всего, что я успел произнести с самого начала разговора. — Правда

не знаю.

— Надеюсь, у вас появится ясность раньше, чем у прессы, — сказал директор сухо. — Потому что если эти документы окажутся правдой, репутационный ущерб для клуба будет исчисляться не только деньгами.

Я вышел из кабинета с ощущением, что земля под ногами не просто покачнулась, а треснула по диагонали — и с тяжёлым, вязким подозрением, поселившимся где-то в груди рядом с желанием, которое, оказывается, совершенно не мешало одновременно думать о человеке самое худшее.

Гудки. Один. Второй. Третий.

Она сняла трубку только на пятый раз, и голос на другом конце звучал так, будто она весь день репетировала именно эту холодность.

— Не сейчас, Кайл.

— Мне нужно знать правду.

Секунда молчания, за которую, кажется, температура на линии упала на несколько градусов.

— Прости, что?

— Я спрашиваю прямо, потому что предпочитаю прямоту недомолвкам, — сказал я, хотя даже произнося это, слышал, как холодно и обвинительно звучит собственный голос. — Сорок тысяч, Кира. Счёт привязан к твоему личному счёту. Компания зарегистрирована ровно тогда, когда ты подписала контракт с клубом.

Тишина в трубке стала абсолютной — той самой тиши-

ной, что бывает перед тем, как кто-то на другом конце линии либо разрыдается, либо взорвётся.

Она взорвалась.

— Ты серьёзно сейчас спрашиваешь меня, не украла ли я деньги у собственного клиента? — голос сорвался на самой середине фразы, но не от слабости — от чистой, обжигающей ярости. — Знаешь что, Кайл? Спасибо, что прояснил. Хотя бы теперь понятно, чего на самом деле стоило всё это твоё «я на твоей стороне» позавчера. Одного анонимного доноса хватило, чтобы вспомнить, какой я, по-твоему, была на самом деле.

— Я не говорил, что ты...

— Тебе и не нужно было говорить, — оборвала она. — Достаточно было спросить так, как ты спросил. Ты уже всё решил. Ты всегда всё решаешь заранее, а потом просто ищешь подтверждение.

— Не переводи тему.

— Я и не перевожу. Я говорю ровно то, что вижу: капитан команды, чьё эго не пострадает ни на йоту, даже если завтра выяснится, что он поверил лжи о человеке, с которым спал меньше недели назад. Удобно, правда? Всегда можно списать на «правила протокола».

— Кира...

— Не звони мне больше, — сказала она, и в голосе, несмотря на весь гнев, я расслышал что-то, гораздо более хрупкое, чем ярость. — Пока не решишь окончательно, во

что ты веришь — в документы или в меня. А когда решишь, не утруждайся сообщать. Я уже, кажется, знаю ответ.

Звонок оборвался.

Люди не меняются, повторил я себе. Она уже однажды выбрала лёгкий путь вместо честного разговора. Может, история просто повторяется в других декорациях — с другой суммой, с другим поводом, но с той же самой готовностью исчезнуть, стоило запахнуть жареным.

Мысль была мерзкой.

Мысль не уходила.

Пресс-конференцию организовали спешно — клубу нужно было хоть как-то отреагировать на утечку в деловое издание до вечерних выпусков новостей. Я сидел за длинным столом рядом с директором, глядя на ряд диктофонов, придвинутых так близко, что казалось, будто они пытаются заползти мне в рот и вытащить признание клещами.

— Кайл, клуб подтверждает, что заморозил выплаты агентству Voss Creative по подозрению в мошенничестве. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Расследование продолжается, — сказал я ровно. — Клуб обязан следовать протоколу при любом подозрении подобного рода. Больше я не уполномочен комментировать детали.

— А ваше личное мнение? Вы верите, что мисс Беннетт способна на подобное?

Вопрос ударил точно туда, где всё ещё саднило после

утреннего разговора.

— Я не готов делать заявления, пока следствие не закончено, — сказал я, и это было наиболее честным ответом, на который я оказался способен, — потому что правды не знал даже я сам.

— Источники утверждают, что вас с мисс Беннетт связывает личная история ещё со школьных лет, из города Мидоубрук. Не могло ли личное знакомство повлиять на то, что подозрительные счета так долго оставались незамеченными вашим руководством?

Я почувствовал, как на скуле дёрнулась мышца — не от самого вопроса, а от того, насколько специфичной и точной была деталь. Такие подробности не берутся из воздуха: кто-то целенаправленно снабжал прессу информацией, которую большинство людей в этом зале физически не могли знать.

— Следующий вопрос, — вмешался пресс-атташе клуба, спасая меня от необходимости отвечать напрямую.

Выходя из зала, я поймал взгляд Маркуса, ожидавшего у выхода с озадаченным выражением лица.

— Мидоубрук, — сказал он тихо, пока мы шли по коридору. — Занятно, что кто-то в принципе знает это название за пределами твоего личного дела.

— Вот именно.

— Копать будешь?

— Нет, — сказал я резче, чем собирался. — С меня хватит на сегодня. Пусть комплаенс делает свою работу.

Маркус посмотрел на меня с сомнением, но спорить не стал.

Вечером я всё-таки поехал к её дому. Не мириться. Скорее для того, чтобы увидеть её лицо, когда задам вопрос ещё раз, уже глядя ей в глаза, а не в телефонный динамик.

Консьерж попытался остановить меня фразой про «мисс Беннетт просила не пускать», но я уже набирал её этаж через внутренний интерком, и то ли из-за моей настойчивости, то ли из-за скандала в новостях, набиравшего обороты, — он не успел меня остановить.

Она открыла дверь сама, ещё до того, как я успел постучать во второй раз, — будто ждала, что я всё-таки приеду, несмотря ни на что.

— Серьёзно, Кайл? — она стояла в проёме, скрестив руки, в домашней одежде, с лицом человека, которому осталось терпеть максимум минуту, прежде чем терпение закончится окончательно. — Я же сказала — не сегодня.

— Я хочу услышать это от тебя лично. В глаза.

— Что именно ты хочешь услышать?

— Правду.

Она издала короткий, невесёлый смешок.

— Ты уже всё решил, Кайл. Я слышу это в твоём голосе. Ты пришёл сюда не за правдой, ты пришёл получить подтверждение тому, что уже придумал себе сам.

— А ты дай мне повод думать иначе.

— Я не обязана ничего тебе доказывать! — голос сорвал-

ся, впервые за весь разговор выдав что-то, кроме холодного контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.